

Часть четвертая

МАРСОВЫ И НЕПТУНОВЫ ПОТЕХИ

Троевластное правление кончилось. Вскоре закончилось и двоевластие: царь Иван передал Петру всю власть и остался выходным, церемониальным царем.

Только теперь, после падения Голицына, когда пришла пора назначить новых людей в приказы, Петр впервые осознал размеры власти, которой обладал сберегатель посольских дел. Оказалось, что князь Василий Васильевич начальствовал Посольским приказом, где, кроме сношений с соседними государствами, сосредоточивались дела по управлению Малороссией, Слободскими полками, Новгородом, Смоленском, Галичем, Устюгом, Великой Пермью, отчиной именитых людей Строгановых, монастырями Савво-Сторожевским, Воскресенским-Новоиерусалимским, Иверским-на-Валдаях, Киево-Печерским, иностранными церквями в русских городах, Немецкой слободой в Москве и факториями торговых иноземцев. После смерти в 1686 году Милославского Голицын возглавил приказы Судный-Володимирский, Челобитный, Иноземский, Рейтарский и Пушкарский. В прочих приказах сидели его родственники и клевреты.

Всех их повымели поганой метлой. На освободившиеся в приказах места расселась честная компания из потешных: Лев Кириллович, князь Борис Алексеевич, боярин Тихон Стрешнев, Ромодановские, Долгорукие, Лопухины, Апраксины, Головкины, Шереметевы, Прозоровские, Урусовы, Троекуровы, думный дьяк Андрей Виниус — все больше господа самого низкого и убогого шляхетства.

Вертели Боярской Думой как хотели, мздоимствовали, крали, разоряли города и села, зато были люди верные, веселые и пьяные по вся дни, — словом, умевшие поддержать компанию и потому любезные сердцу государя Петра Алексеевича.

Появились у Петра и новые приятели — генерал Патрик Гордон и полковник Франц Лефорт.

*Ф. Я. Лефорт.
С гравюры П. Шенка,
1698 год*

Опытный Гордон, послуживший в семи ордах семи царям, был незаменим при устройстве потешных маневров и сражений. Выбрать местность, начертить план, определить боевые порядки, вычислить потребное количество огнестрельного снаряда и инструментов — никто не мог сделать это лучше степенного, аккуратного шотландца. Если Петру нужна была книга по артиллерийскому делу, библиотека Гордона была к его услугам. Интересно было поговорить с ним о минувших походах и битвах, знаменитых королях и полководцах. Цепкая память пожилого генерала безошибочно воспроизводила имена, даты, цифры; для сравнения он приводил примеры из древней истории,

сыпал цитатами. Впрочем, ученым педантом не был — за столом охотно пил, шутил, рассказывал скабрезные шотландские анекдоты. Любил пройтись насчет происхождения шотландских баронов («Кинкливен, ваше величество, был бедный паромщик. Однажды ему довелось переправлять Марию Стюарт с ее свитой, и случилось так, что королева громко пустила ветры. Кинкливен не растерялся и спас честь ее величества, попросив извинения перед присутствующими. Королева тут же, на пароме, произвела его в бароны. Ныне одна из первых фамилий Шотландии, ваше величество»).

Однако, не подогретый вином, Гордон был серьезен, замкнут, надолго уединялся в своем кабинете для ученых занятий. Совсем другим человеком был Лефорт. Он родился в Женеве, в семье бургомистра, но живая галльская кровь взяла верх над пуританскими добродетелями города Кальвина — покинув отчий кров, юноша отправился на поиски стран, где мало читают Библию и охотно ухаживают за женщинами. Скитаясь по дворам Европы, меняя знамена и государей, Лефорт стал человеком бывалым. Он был храбр (впрочем, кто из французов не храбр?), но дальше капитана не пошел; зато сделался генералиссимусом шумных веселых попоек, дерзких проказ и трехдневных любовных интрижек. Жажда новых впечатлений привела его в Россию. В 1675 году он сошел на архангельскую пристань в числе нескольких иностранных офицеров, желавших вступить в московскую службу. Невесть откуда взявшихся немцев доставили в Москву, допросили и объявили, что для царской службы они не годны. Разочарованные офицеры уехали. Один Лефорт службы не искал, обратно за море не поехал, а остался в Москве. Кукуй пришелся ему по душе. Здесь всегда были рады новому лицу, особенно такому, на котором читалось природное добродушие и всегдашняя готовность к непринужденному балагурству.

Несколько лет Лефорт прожил вольной птицей за счет голландских купцов, полюбивших его разгульный характер и умение оживить застолье остроумным словцом. Когда же пришла пора самому позаботиться о своем будущем, Лефорт обделал это дельце легко и изящно. Он начал ухаживать за племянницей генерала Букговена. Мать девушки была против мезальянса, но сама юная особа не смогла устоять перед блестящим кавалером и тайно с ним обвенчалась. Припертому к стенке генералу пришлось выписать Лефорту диплом капитана Елец-

кого полка. Дальнейшая его служба проходила под началом Гордона. Он доказал свою храбрость в боях с турками и татарами и после второго Крымского похода был произведен в полковники. Однако ни годы, ни высокий чин не изменили его нрав. На Москве он по-прежнему слыл забавным и роскошным французским дебошаном⁹.

Высокий, изящный женевец, в огромном парике со свисающими до пояса буклями, на каждом шагу сыплющий прибаутками, готовый кутить с утра до ночи, мастер устроить пир на славу с музыкой, с дамами и танцами, очаровал Петра с первой встречи. Царь буквально влюбился в его сухощавое бледное лицо, на котором особенно четко выделялись черные дуги бровей и живые карие глаза, излучавшие добродушие и веселость. На пирушках царь смотрел ему в рот и хохотал до колик над его шутками. Лефорт книг не читал, но в знании исторических анекдотов мог поспорить с ученым Гордоном («А вот что я слышал от герцога де Лозена, ваша милость. Архитектор, занимавшийся отделкой королевской спальни в Лувре, спросил у Людовика XIII, какого цвета должны быть обои на потолке. «Какая мне разница? — хмыкнул король. — Поинтересуйтесь об этом у моей жены»). Скоро Петр и Лефорт стали неразлучны.

Оба терпеть не могли коротать вечера в одиночестве или того хуже — с женами. В досужие вечерние часы они обыкновенно вместе ехали в гости или принимали гостей в доме Лефорта. Ведя жизнь какого-то бездомного, бродячего студента, постоянно ночуя под чужой крышей, Петр всюду таскал за собой одного из своих денщиков — Алексашку, сына придворного конюха Данилы Меншикова, — уж очень сметливым и шустрым малым оказался. Алексашка, уступавший Петру двумя годами, и был одним из первых потешных. Высокий, с яйцевидной, остриженной в кружок головой и узким продолговатым лицом, на котором возле переносицы теснились, словно им не хватало места, большие, близко посаженные наглые глаза, он всегда был рядом и искал случая услужить государю. Если требовалось что-то принести, куда-то сбегать, чем-то распорядиться, он был тут как тут: бежал, приносил, распорядился. Петр так привык к этому, что в случае какой-нибудь нужды, не оборачиваясь, звал его, зная, что он где-нибудь поблизости.

⁹ Дебошан — кутила, гуляка (фр. *débauche* — веселая пирушка, кутеж).

Умел Алексашка и позабавить государя. Рассказывал скандальные случаи из жизни кремлевской и боярской прислуги, коих он знал неимоверное количество, или, достав засаленную колоду карт, безошибочно выкладывал перед изумленным Петром загаданный им лист. Однажды он появился в комнате, где сидел подгулявший Петр с компанией, в сопровождении коротконогой сучки, которая бежала рядом, тыкаясь мокрым черным носом в его сапог. Петр покосился на нее. Зачем привел? — Ученая собачка, объяснил Меншиков, может всякие штуки делать; вот, выучил, чтобы его, государя, потешить. Петр усмехнулся. Ну-ну. И что же она умеет? Меншиков начал один за другим загибать пальцы. Носить поноску — раз. Шапку снимать — два. Просить есть — три. Сидеть — четыре. Через палку скакать — пять. Он может сейчас же и показать, не то, если государь хочет, пускай сам покомандует — собачка умная, чужие слова понимает. Петр заинтересованно присел перед собакой, погладил. Пожалуй, он сам скомандует. Как ее звать-то?

— Сонька, — сказал Меншиков, нагло глядя на него.

— Как?

— Сонька.

Петр расхохотался. Славное имечко! Потрепав собаку по шее, он заставил ее несколько раз перепрыгнуть через трость, потом приказал сесть, потом — снова прыгнуть... При этом он с удовольствием громко выкрикивал: «Сонька, прыгать! Сонька, сидеть!» Наигравшись, похвалил Алексашку. Меншиков поклонился. Да, он чуть не забыл сказать самое главное. Собака-то не простая — говорящая. Петр вытаращил глаза: как это — говорящая?

А вот так. Меншиков усадил собаку перед собой и крикнул:

— Великому государю Петру Алексеевичу — ура!

— Рра! — мотнула головой Сонька.

— Петру Алексеевичу...

— Рра!

Все сгрудились вокруг такого чуда. Каждый кричал «ура» Петру, и Сонька, ошалев, в конце концов завывала. Петр подхватил ее на руки и чмокнул в мокрый нос.

Да, веселое время наступило на Москве. Что ни день, шли пиры — то у Лефорта в его доме на берегу Яузы, то у Льва Кирилловича в Филях, то у князя Бориса Алексеевича, то у боярина Петра Васильевича Шереметева, то у Гордона. После этих попоек хозяева обыкновенно дня три не могли отойти, болели, а Петр

с восходом солнца уже был на ногах, за работой. Но и за развлечениями он не упускал случая чему-нибудь научиться. На продолжительных пирах ему трудно было долго усидеть на месте, — приходилось вскакивать и выбегать в другую комнату, чтобы размяться. Эта подвижность сделала его большим охотником до танцев. Непревзойденным учителем в этом искусстве был, конечно, Лефорт. По требованию Петра женевец также преподавал ему курс голландского языка. Внял царь и тому, что непринужденная беседа лучше всего протекает за шахматами, со стаканом венгерского в руке и трубкой в зубах. Сел с Лефортом за доску, учиться. Окутав ряды фигур сизыми клубами крепкого кнастера, Лефорт пояснял правила игры. В шахматах — как в жизни. Есть король, есть королева, есть войско — конница, пехота, есть крепости на границах. Король — слабейшая фигура. Почему? Он окружен дураками. О, это каламбур, сиречь игра словами: во французском языке шахматный слон и дурак, шут, обозначаются одним словом — fou.

Зима 1690 года прошла особенно весело. На Святках ряженная компания, человек до восьмидесяти, во главе с Петром, посещала дома богатых бояр и купцов. Колядовали, выпрашивали угощение. Тех, кто давал мало, хватали и вливали в них бокала по три вина или одного «орла» — большой ковш: редкий скупец после этого наказания не падал замертво. Впрочем, и щедрых хозяев заставляли напиваться вусмерть. Так веселились несколько дней сряду.

На Масленой Петр запустил первый фейерверк, собственными руками изготовленный на Потешном дворе. Три часа сыпали искрами над Кремлем ракеты, звезды, колеса, огненные картины. Одна пятифунтовая ракета не взорвалась — упала на голову какому-то дворянину из толпы любопытствующих и пришибла на месте. Государь Петр Алексеевич с компанией много смеялись такому ротозейству.

Наталья Кирилловна решила, что дружба Петруши с немцами зашла слишком далеко и что пора, наконец, патриарху вмешаться. Святейший согласился с ней. Прежде благочестивые цари московские, пожаловав иноземцев чаркой водки, руки мыли, а ныне — пусть государыня царица не сердается — грех один, срамota. Тьфу...

После падения Софьи патриарх Иоаким торжествовал: его личный враг, Медведев, расстрижен, повинился в ереси и казнен

как вор и колдун; киевские старцы спешили с уверениями, что во всем согласны со святейшим; князь Голицын, покровитель иезуитов, сослан. Оставались еретики-немцы, от которых — он никогда не устал это повторять — шло все зло. Пробуя свои силы, патриарх еще летом, до отъезда в лавру, распорядился сжечь некоего Кульмана — полусумасшедшего визионера¹⁰ из Немецкой слободы, вздумавшего открыто проповедовать, что ему одному открылась тайна Христова слова. Теперь Иоаким перешел к более широким действиям, решив пресечь зло в корне. Ему удалось настоять на отмене голицынского указа о свободном въезде в Россию иностранцев. Вслед за тем он вознамерился сломать все кирки в Немецкой слободе, для чего потребовал от ее обывателей сведения, когда и по чьему разрешению построены их молитвенные дома. К его великой досаде, у еретиков нашлись соответствующие бумаги за подписью царя Алексея Михайловича, и дело пришлось оставить.

Иоаким отвел душу на пиру по случаю рождения наследника царевича Алексея¹¹. В Кремле по обычаю собрались ближние и думные бояре, духовные власти, именитые гости, выборные люди всяких чинов; явились и иноземные офицеры во главе с Гордоном. Увидев последних, патриарх потребовал от Петра немедленно отослать их — еретикам-де присутствовать на таком празднике неприлично; иначе он грозил уехать сам. Петр, зыркнув глазами, подчинился; Гордон и офицеры удалились. Чтобы загладить нанесенную им обиду, Петр на следующий день закатил шумнейшую попойку, пригласив на нее одних иностранцев.

Через несколько дней Иоаким занемог. Чувствуя близкую кончину и сокрушаясь, что Господь не судил ему очистить Дом Богородицы от скверны, завещал довести это дело до конца обоим государям и своему преемнику. Особо заклинал запретить еретикам быть начальниками в полках. «Какая от них православному воинству может быть польза? — вопрошал он в духовной грамоте. — Только гнев Божий наводят. Когда православные молятся, тогда еретики спят; христиане просят помощи у Богородицы и всех святых — еретики над всем этим смеются; хри-

¹⁰ *Визионер* — человек, страдающий галлюцинациями, которые он и окружающие могут истолковывать как способность видеть божественные откровения.

¹¹ Царевич Алексей родился 18 февраля 1690 г.

стиане постятся — еретики никогда. Начальствуют волки над агнцами! Благодатью Божией в русском царстве людей благочестивых, в ратоборстве искусных очень много. Опять напоминаю, чтоб иноверцам еретикам костелов римских, кирок немецких, татарских мечетей не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев в платье не вводить. Удивляюсь я царским палатным советникам и правителям, которые на посольствах в иных землях бывали: разве не видели они, что всякое государство свои нравы и обычаи имеет в одеждах и поступках, свое держат, чужого не принимают, людям чужой веры никаких достоинств не дают, молитвенных храмов им строить не позволяют: в немецких государствах есть ли где церковь благочестивой веры? А здесь чего и не бывало, то еретикам дозволено: строят себе молитвенные храмины, в которых благочестивых людей злобно клянут и лают идолопоклонниками и безбожниками».

17 марта он умер.

Петр попытался посадить на патриарший престол митрополита Псковского Маркелла, не гнушавшегося западной книжной мудрости и общения с иноземцами, но Наталья Кирилловна настояла на избрании митрополита Казанского Адриана. Во время последовавшего вскоре празднования ее тезоименитства Наталья Кирилловна и новый патриарх опять не пустили иностранцев во дворец. А на Пасху Адриан в присутствии царской семьи разразился обличительным словом против новых развратных обычаев: «Не только прочие в году узаконенные посты, но и великую четырехдесятницу многие презирают. Мужчины, женщины, юные отроки и священного чина люди всегда упиваются; и вином и табаком и всяким питием без сытости пьяны, и съедают не только запрещенные яствы, но рвением и завистью друг друга съедают, убивают и грабят, неправо судствуют и обижают. Теперь и благородные и простые, даже юноши, хвастаются пьянством, говоря бысстыдно друг другу: тогда-то и тогда-то я был пьян и церковное торжество в праздники Господни проспал. Не только по пьяным и ночным своим праздникам, но повсюду люди неученые, в церкви святой нашей благоприданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок табакских и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков обьюродели. Совратясь от стезей отцов своих, говорят: для чего это в церкви так делается, нет никакой в том пользы, человек это

выдумал, и без этого можно жить. Едва только святым книгам узнает имя или склад словесный, и уже учит архиереев и священников, монастыри правит, людям всем тщится повелевать, устроить чины церковные и гражданские. Еретики и раздорники говорят: на что эти посвящения, памяти по усопших душах, молебны Богу, Богородице, угодникам Божиим?»

Наталья Кирилловна с удовольствием слушала и выразительно поглядывала на сына: вот, пускай послушает, кого с собой за один стол сажает!

Петр обозлился не на шутку. Вечером сидел в компании мрачный, пил мало. Раскричался на Зотова, который спьяну, пытаясь наполнить его бокал, пролил вино на царский кафтан. Никак старый хрыч не проспался? Ей, рыло-то! Опухло с перепоя!

— Испиваю, государь, — сокрушенно вздохнул Зотов, — писано бо есть: в беззакониях зачат есмь.

Петр грозно сдвинул брови:

— А зачем же писано: не упивайтесь вином? В нем же... знаешь, что в нем?

— Некая кавыка недоуменная, государь. А вот другое место говорит: воды не пей, но вина...

— Вина? Остановился? А? Боишься договорить? Написано: «вина мало», а ты дуешь какими ковшами?

Зотов удивленно уставился на него. Что это сегодня нашло на государя? Опустив глаза, он забормотал, что пьет телесной нужды ради и частых недугов. А что написано «вина мало пей», так у всякого своя мера: лошади ведро воды не много выпить, а кабы человек выпил ведро разом? А еще вот в Писании говорится: мытари и любодои идут впереди в царствии небесном, и оно значит: мытари были когда-то, а теперь мытарей нет, а есть бражники, пьяницы, вместо мытарей: они-то прямо в рай пойдут. А отчего? Они неповинны, аки младенцы. Аще что и согрешат, не вменит им Бог греха, сами бо не ведают, что творят. Говорят же: невозможно прожить без греха, а коли грешить, так лучше пьяному, чем трезвому. И еще писано, государь: се коль добро и коль красно, аже жити братии вкупе! А коли братия сойдется вкупе, ништо обойдется без вина?

Петр, повеселевший от зотовской болтовни, подвинул ему стакан. Хорошо, пусть выпьет, коли так.

— Никишка всегда пить готов, а коли царь-государь велит, так как же Никишке царского указа не исполнить?

— А если, — улыбнулся Петр, — если царь скажет: не пей никогда, Никишка, тогда что?

— Тогда Никишка упадет царю в ноги, — Зотов повалился на колени перед Петром, — и скажет: царь-государь, вели лучше Никишке голову снять, оттого что Никишке лучше живу не быть, чем не пить.

Петр хлопнул его по плечу:

— Не бойся, дядя Никита, царь пить не закажет, а скорее укажет.

Окончательно развеселившись, он выпил один за другим два бокала вина. Ничего не скажешь, в этом деле старый хрыч дока, рассуждает не хуже патриарха. А что, обратился Петр к компании, не поставить ли им Зотова в патриархи? Небось не хуже нынешнего будет. Все шумно поддержали эту идею. Тут же составили сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор и присвоили Зотову титул набольшего шута, князя-папы, или всешумнейшего и всешутейшего патриарха московского, кукуйского и всея Яузы. При нем составили конклав из двенадцати кардиналов с огромным штатом епископов, архимандритов и прочих духовных чинов; сам Петр принял сан протодьякона по прозванию Пахом-Пихай. Положили первойшей заповедью нового ордена беспощадно воевать со злым еретиком Ивашкой Хмельницким, для чего напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвыми; сложили порядок пьянодействия, служения Бахусу и «честного обхождения» с крепкими напитками. Трезвых грешников отлучили от всех кабаков в государстве, инакомудрствующих еретиков-пьяноборцев предали анафеме.

И пополз по святой Руси слушок: воцарился на Москве царь антихрист, собрал сатанинский собор на пагубу христианским душам. А противиться во всем такому царю — значит послужить Господу Иисусу Христу и принять венец мученический.

В управление государством Петр по-прежнему не вмешивался. Нетерпеливо выслушивал на Пушечном дворе доклады приказных начальных, которые представляли ему длинные списки бояр, дворян, дьяков, слободских людей, судившихся, пытаных и наказанных разжалованием, кнутом, батогами, ссылкой, отнятием имени, лишением живота — за брань во дворце, за неистовые слова против государя, за женоубийство,

оскорбление девичьей чести, за подделку документов, за кражу казенных денег, за разбой царской казны, — и предоставлял дела обычному течению в приказах. За два года не появилось ни одного закона или распоряжения об общественном благоустройстве. Бездействовали и во внешних делах. Глава Посольского приказа Лев Кириллович Нарышкин всячески уклонялся от решительных действий против озлобленных голицынскими походами татар, которые не давали покоя южным русским областям ни летом, ни зимой.

Зато пух и перья летели в потешных сражениях и походах.

Весной 1690 года Петр ходил на лодках по Москве-реке к Угрешскому монастырю. В начале июня потешные полки штурмовали Семеновский двор, где засели стрельцы. С обеих сторон кидали ручные гранаты и горшки с порохом — один из таких горшков разорвался рядом с Петром: взрыв опалил ему лицо и ранил стоявших рядом офицеров. Рана царя оказалась нешуточная — походы возобновились только осенью.

4 сентября разгорелось сражение гвардейских полков со стрельцами Стремянного полка. Вечером дошло до запальчивой схватки; среди множества раненых был и Гордон: ему поранили выстрелом ногу выше колена и опалили порохом лицо; пришлось с неделю проваляться в постели.

Следующей весной на Москву-реку была спущена яхта, построенная Петром собственноручно, без помощников. Царь вновь прокатился до Угрешского монастыря, а затем все лето провел в Преображенском, готовя войско к великому и страшному бою, назначенному на осень.

Полки разделились на две армии. Первой армией, *нашей*, состоявшей из Преображенского, Семеновского, Бутырского генерала Гордона и Лефортова полков, командовал Фридрих, король Прешпурхский, генералиссимус князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского¹². Вторая, *неприятельская*, состояла под началом польского короля, царя Семеновского, генералис-

¹² Князь Куракин характеризовал Ромодановского следующим образом: «Собою видом как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вси дни». Ромодановский — министр кнута и застенка — возглавлял Преображенский розыскной приказ, был по-собачьи предан Петру и потому пользовался расположением царя. Упомянутый далее Бутурлин, по определению того же автора, был человек «злорадный и пьяный и мздоимливый».

симуса боярина Ивана Ивановича Бутурлина; в нее входили в основном стрелецкие полки.

Обе армии ненавидели друг друга заправской, не потешной ненавистью. В начале октября открылась между ними война.

Шестого числа на заре неприятель вышел из обоза в крепком ополчении, перемешав конницу между пехотой. Генералиссимус Фридрих вывел навстречу ему нашу армию. После вытрубки начали травиться, и завязалось сражение. Генерал Гордон смял левое неприятельское крыло и захватил четыре знамени; но рейтары полковника Лефорта, несмотря на жестокий напуск, отступили с поспешностью.

После краткого отдыха неприятель сам повел атаку: его гусары крепко насели на наших, но потерпели жесточайший урон, а их командир был взят в плен рейтарами ротмистра Петра Алексеева.

Тогда король польский пошел на хитрость: подъехал к нашему фронту с конницей, будто для переговоров, — и вдруг кинулся на наши полки, чтобы убить генералиссимуса Фридриха и тем всю армию обезглавить. Но дорого поплатился король за свое вероломство: ротмистр Петр Алексеев спас генералиссимуса Фридриха, а злодея его взял в плен живого.

Фридрих принял наших военачальников в своем шатре, похвалил их службу и при троекратных залпах изволил пить за победу и храбрость войска; пил также здоровье пленного короля польского, который в свою очередь выпил за здоровье победителя. Затем пленник бил челом славному генералиссимусу, чтобы отпустил его к своим, обещая быть на будущее время в послушании и дружбе. Великодушный Фридрих приказал ротмистру Петру Алексееву проводить пленника до вражеского стана. Неприятель встретил своего предводителя пушечной пальбой, а ротмистр, одаренный шпагой, возвратился в свой лагерь.

Ночью к неприятелю подошли четыре полка подкрепления. Король польский снова возгордился и утром послал гонца в наш лагерь сказать, что хочет биться.

9 октября было решительное дело. Оба войска выступили в поле на утренней заре. В восьмом часу неприятель пошел на нас всеми силами с твердым намерением победить или погибнуть. Бились накрепко. Сражение велось по всему фронту, но упорнее всего — на нашем левом крыле, где рейтары Лефорта с яростью наседали на врага. Пять часов враги стояли крепко, пока генерал

Головин не сломил их левое крыло, — тогда поддалось и правое. Вся неприятельская армия обратилась в бегство, а наши отрезали врагам путь в лагерь, загнали их конницу в пруд, порубили пехоту, отбили все пушки, знамена и захватили обоз.

По окончании сражения долго не могли найти обоих главнокомандующих — никто не знал, куда они подевались. После трехчасовых поисков открылось, что пресветлейший генералиссимус Фридрих, увлеченный своею храбростью, с немногими людьми прежде всех ворвался в неприятельский лагерь и там, у шатра польского короля, ожидал своих сподвижников; а соперника его нашли кроющимся между «трусами».

Войска наши вошли в неприятельский стан и выстроились в два ряда; отбитые знамена и оружие разложили на земле. Фридрих вошел в шатер по вражеским знаменам, похвалил своих воинов, затем приказал привести вражеского вождя, поставил его на колени и в присутствии его генералов строго выговорил прежние его неправды. Пленные кланялись в землю и просили прощения.

В знак победы и примирения пировали с пленным неприятельским генералитетом при орудийных залпах.

Сей воинский танец не все станцевали благополучно. Ротмистр Петр Алексеев известил боярина Федора Михайловича Апраксина, оставшегося в Москве вершить делами, что «князь Иван Дмитриевич Долгорукий от тяжелой своей раны, паче же изволением Божиим, переселился в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти. Посему здравствуй. Писавый *Petrus*».

Натешившись на суше, Петр обратился к воде. Более двух лет он и одним глазом не взглянул на свои корабли, опасаясь надолго оставлять Москву. Наконец, убедившись, что в столице все тихо и спокойно, Петр начал готовиться к поездке в Переславль. Зимой 1691 года его величество король Прешпурхский Фридрих объявил сержанту Преображенского полка Петру Алексееву государский указ: построить в Переславле к весне военный корабль. Взяв с собой шестнадцать Преображенских солдат, искусных в корабельном и щегольном¹³ мастерстве, Петр отправился на Плещеево озеро.

¹³ То есть изготовлении мачт.

Между тем корабельный мастер Карштен Брандт все эти годы не прекращал работы: соорудил два фрегата и три яхты. В ожидании приезда царя на южном берегу озера, за селом Веськовым, старый плотник выстроил деревянный одноярусный дворец, с окнами из слюды, расписанной зверями и птицами, с дверями, обитыми для теплоты белым войлоком; над двуглавым орлом на крыше блестела вызолоченная корона. Справа от дворца находилась церковь Вознесения, слева, на мысу Гремячем, — батарея. Окна царских палат выходили на пристань, находившуюся в каких-нибудь ста саженьях от дворца. Летом суда стояли у пристани, на зиму их отводили в Трубеж, к мосту около Знаменской церкви, чтобы при вскрытии озера их не разбило льдинами.

Собственными руками заложив фрегат, Петр с головой ушел в любимое дело; даже не хотел возвращаться в Москву для приема персидского посла, и Льву Кирилловичу с князем Борисом Алексеевичем пришлось ехать в Переславль уговаривать его, что не резон из-за потехи ссориться с шахом.

1 мая Петр подрубил подпоры, и корабль сошел на воду. Наталья Кирилловна с царицей Евдокией обрадовались — наконец-то Петруша прибудет назад в Москву. Но не тут-то было. Петр остался на озере, приказав потешным полкам идти в Переславль для маневров на суше и на море. Пришлось и обеим царицам, чтобы увидеть обожаемого сына и мужа, тащиться в каретах на проклятое озеро. Малолетний царевич Алексей был с матерью. Петр встретил семейство без восторга. С женой едва перемолвился словом, на сына смотрел с какой-то недоверчивостью; раза два в день заглядывал в его комнату на минутку и, потормошив, спешил к своим кораблям, словно боялся излишней нежностью дать повод жене приласкаться к нему.

Маневры прошли успешно. Все воинские почести отдавались генералиссимусу Фридриху, который теперь сделался и адмиралом. Затем потянулись пиршества. В Москву возвратились только в начале сентября.

Петр хотел продолжить военные игры, но в ноябре занемог кровавым поносом и слег. Болезнь затянулась; со дня на день ему становилось все хуже и хуже. В середине декабря во дворце стали поговаривать о близкой кончине молодого царя. Кое-кто поспешил навестить в Новодевичьем монастыре некую зазорную особу. Лефорт, князь Борис Алексеевич и некоторые другие царевы компаньоны на всякий случай запаслись лошадьми.

Тревога оказалась напрасной. К Рождеству Петр стал поправляться. Будучи приглашен в Кукуй в качестве шафера на свадьбу некоего золотых дел мастера, распоряжался на свадебном пиру, хотя сам пил мало. К Масленице он окончательно выздоровел и пустил ставший уже обычным фейерверк, сооруженный собственными руками: после троекратного залпа из 56 орудий вспыхнул белым огнем павильон с вензелем Прешпурхского короля Фридриха, и явился огненный Геркулес, разрывающий пасть льву; между тем в темное студеное небо из царских рук летели разноцветные ракеты. Ужин затянулся до трех часов утра. Наталья Кирилловна, чрезвычайно довольная Геркулесом, подарила Петру сержантский кафтан красного сукна. Петр поблагодарил мать, но не стал носить мундир — сшит не по форме: Преображенские мундиры к этому времени были определены темно-зеленого цвета, однобортные, с золотыми шнурами и серебряными пуговицами. Подосадовал даже: матушка могла бы и повнимательней быть, солдатский мундир — дело серьезное, не бабий сарафан.

*Петр I в русском костюме
конца XVII века.
С рисунка
неизвестного художника*

Весной 1692 года Петр вновь в Переславле. Поплавал три недели, но уже без прежней радости — Плещеево озеро показалось маловато. Попробовал перебраться на Кубенское озеро — тоже тесно. Тогда запросился у матери прямо на море, к Архангельску. Наталья Кирилловна нехотя дала согласие, взяв с сына обещание в море не ходить, а только посмотреть с берега. Всю зиму готовились к дальнему походу. В июне тронулись в путь. Сержанта Преображенского полка Петра Алексеева сопровождала свита, человек сто: князь Борис Алексеевич, постельничий Гаврила Головкин, князь-папа Зотов, оба короля, Прешпурхский и польский, Лефорт, глава Почтового приказа дьяк Андрей Виниус, карлы Ермолай и Тимофей, бояре, сорок стрельцов под началом трех капитанов и полковника и десять потешных с трубачом.

Чем дальше на север, тем призрачней синели узорчатые верхушки необозримых лесов, прозрачнее становились ночи... Ровный тихий свет до утра не сходил с небосклона, незаметно становясь с зарею бледно-золотым, потом тускло-медным. Заснуть в этом жидком полусумраке, в котором столбом вился остервенелый гнус, было невозможно. Лица у людей распухли от укусов, лошади, заедаемые смертным поедом, отчаянно ржали ночи напролет.

Под Вологдой зарядили дожди. Во влажной, спертой лесной духоте было нечем дышать, тела людей и животных покрывались испариной, кафтаны тяжелели от сырости. В Вологде пересели на карбасы и шли водой две недели вдоль лесистых берегов Сухоны.

Наконец выбрались на простор, и в одно росистое, ясное утро Петр увидел нечто невообразимое: из-за диких, поросших лесом холмов впереди круто поднималась, упираясь в небосклон, темная громадная пустыня, влажно-мглистая, сумрачная, одинокая в своей безмерности. У него от радости и ужаса перехватило дыхание, и он замер у борта карбаса, чтобы насытить глаза этой тяжелой синевой. Ему казалось невероятным, что там, за линией окоема, может быть еще что-то — какие-то земли, города — и что он скоро поплывет по этой необъятной глади, по этой ужасающей бездне на утлом, крошечном суденышке... Сама мысль о подобном путешествии

показалась ему безумной, он внутренне содрогнулся, представив жуткий мрак этих холодных глубин.

Когда царский карбас показался из-за Кегострова, с берега, на который высыпал народ во главе со светскими и духовными властями, раздался колокольный звон и пушечная пальба. Дав ответный приветственный залп, Петр прошел мимо городской стены, опоясанной глубоким рвом и поросшим травой крепостным валом с вкопанными в него чугунными пушками, мимо высоких, теснящихся друг к другу домов с крутыми крышами, небольшими окнами и полукруглыми воротами в нижних ярусах, мимо причала, где, несмотря на ранний час, уже не то разгружалось, не то загружалось несколько кораблей, мимо храмов с высокими шатровыми крышами и торговых складов... Он остановился ниже — у Масеева острова, где для него были построены светлицы.

На пристани царя дожидалась 12-пушечная яхта «Святой Петр», предназначенная для морских прогулок. Вначале Петр хотел было идти на ней на Соловки, но отложил эту затею: ему представился случай посмотреть настоящие корабли — торговые английские и голландские суда, возвращавшиеся на родину под конвоем фрегата капитана Иолле Иоллеса¹⁴. Приглашенный в гости на Масеев остров и изрядно подпоенный, капитан охотно согласился прокатить молодого московского царя.

Вблизи фрегат вовсе не казался той утлой скорлупкой, какой он представлялся Петру издалека. Напротив, теперь он поражал своей громадностью, тяжеловесностью, надежностью. Широкий нос, крутые борта и округленная корма высоко вздымались над водою, и уже совсем куда-то в поднебесье, в самые облака возносились стройные мачты с оранжево-бело-синими флагами¹⁵.

На палубе было чисто, блестела начищенная медь, пахло морем, дегтем и свежесрубленным лесом (команда недавно

¹⁴ Необходимость военного конвоирования была вызвана продолжавшейся войной Франции с Аугсбургским союзом, куда входили Голландия и Англия. Превосходный французский военный флот, созданный Людовиком XIV, тревожил суда противника по всей линии побережья Северной Европы.

¹⁵ Цвета голландского флага были составлены из любимых цветов принца Вильгельма I Оранского. Предводитель освободительного движения Нидерландов против испанского владычества носил оранжевый плащ, белую шляпу и синий колет.

кое-где заменила подгнившую обшивку). Капитан Иоллес, в камзоле табачного цвета, стоял у трапа, указывая, куда разместить пассажиров.

Матросы по свистку полезли на реи ставить паруса. Огромные полотнища несколько раз оглушительно хлопнули и вдруг округлились, наполнившись ветром. Чуть завалившись на левый борт, корабль заскользил по солнечной жемчужно-серой глади. Волны ударялись о дубового позолоченного льва на носу, под бушпритом, и взлетали радужной пылью. Вслед за фрегатом подняли паруса торговые суда и яхта «Святой Петр».

Петр стоял на палубе и долго глядел на удалявшийся, постепенно мутневший берег.

В продолжение морской прогулки он заново постигал размеры и масштабы. Узнавал, что земля — велика, вода — нечто еще более великое, но прежде всего велико небо. То, что он видел до сих пор, было лишь слабым образом земли, воды, неба; здесь же все это было как будто в первый день творения. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»¹⁶.

Любуясь кораблями, их стройным ходом, восхищаясь ловкостью матросов, Петр и не заметил, как между ним и Архангельском разверзлось триста верст морской пучины — недалеко был уже Северный Ледовитый океан. За рекой Поноем, у Трех островов, Петр закатил иноземным капитанам настоящую морскую пирушку, сам подливал им золотистое рейнское вино. Наутро он от души распрощался с полумертвыми гостями, пожелав счастливого пути в благословенную Голландию, где умеют создавать такие рукотворные чудеса.

Возвратившись в Архангельск, Петр не спешил с отъездом в Москву. Теперь он хотел посмотреть на гамбургские и голландские корабли, прибытие которых ожидалось в ближайшее время.

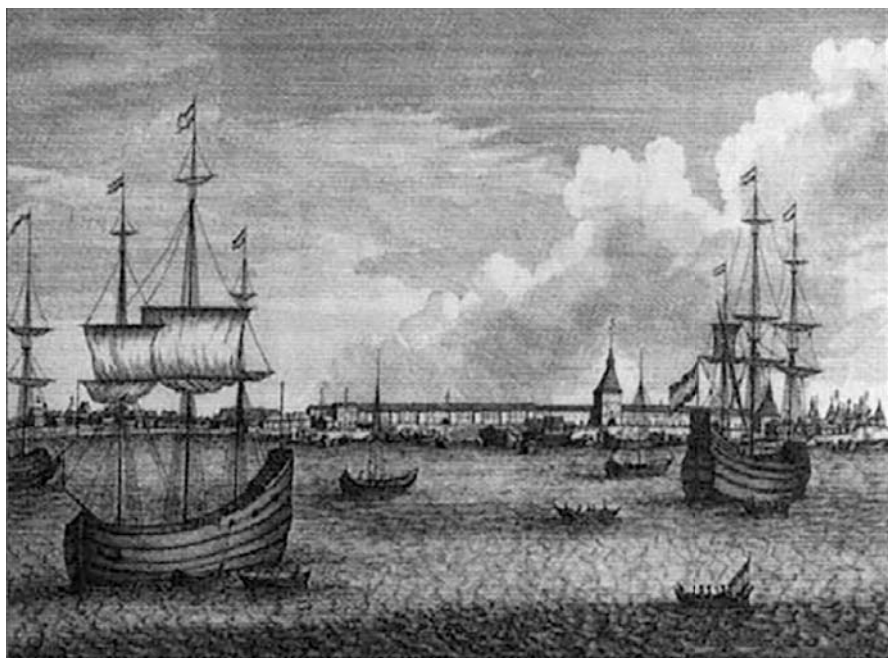
Его морское катание, конечно, стало известно Наталье Кирилловне. Царица так перепугалась, что даже не стала упрекать его в нарушении данного в Москве обещания. Ее письмо к сыну свелось к одному жалобному воплю: «Прошу у тебя, света своего, помилуй родшую тя, как тебе, радость моя, возможно, приезжай к нам, не мешкай». Петр, как мог, успокоил мать, отписал, что дожидается кораблей, «а как они будут, и я поеду тотчас день

¹⁶ Библия. Ветхий Завет. Бытие, 1:2.

и ночь. Да о единой милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией: и такого пастыря имеючи, почто печаловать?».

Но Наталья Кирилловна не унялась. Чтобы вернее выманить Петрушу с края света, отписала ему грамотку от имени своего любимца, трехлетнего Алешеньки:

Вид города Архангельска. Гравюра, начало XVIII века

«Пожалуй, радость наша, к нам, государь, не замешкав. Ради того, радость моя, государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку в печали. Не покручинься, радость моя, государь, что худо письмишко: еще, государь, не выучился».

Эта умилительная хитрость, однако, не разжалобила Петра. Он ответил матери ласково, но твердо: «Радость моя! По письму твоему, ей-ей, зело печалился, потому: тебе печаль, а мне какая радость? Пожалуй, сделай меня бедного без печали тем: сама не печалься. А истинно не заживусь». Думный дворянин Чегоданов, доставивший письмо в Кремль, подтвердил, что государь живет на суше, в городе и на заморские корабли собирается только посмотреть, не плавать. Наталья Кирилловна сделалась

терпеливее — теперь уже беспокоилась, чтобы Петруша не надселся скорой ездой, когда будет возвращаться.

Петр действительно в море больше не ходил. Принимал у себя иноземных моряков и купцов и сам бывал у них на вечеринках. В праздничные и воскресные дни слушал литургию в церкви Ильи Пророка на близлежащем Кегострове, отхватывал во всю мочь Апостола и пел с певчими на клиросе басом. Часто захаживал пообедать к архиепископу Холмогорскому и Важскому Афанасию и за столом заводил беседу о строении домов, учреждении заводов, плавании по рекам и морям. С удовольствием слушал владыку, человека весьма сведущего в этих вопросах.

Из окон его палат на Масеевом острове были видны все подходившие к городу суда. И было на что посмотреть! К Успенской ярмарке в Архангельск приходило до ста иностранных кораблей — английских, голландских, гамбургских, бременских, нагруженных сукнами, полотнами, шелковыми тканями, кружевами, золотыми и серебряными изделиями, винами, аптекарскими составами, галантерейными вещицами; по Двине спустились русские баркасы с хлебом, пенькой, поташем, смолой, салом, юфтью, рыбьим клеем, икрой. Уже ранней весной сюда начинали съезжаться иноземные купцы из Москвы, Ярославля, Вологды и других городов — и оставались до зимнего пути. В самом Архангельске двадцать четыре дома были заняты семьями иностранных купцов, постоянно живущих здесь, и комиссионерами заморских негоциантов. Для склада привозимых на ярмарку товаров было выстроено огромное каменное здание, занимавшее более версты в окружности и обороняемое со стороны Двины шестью каменными башнями, валом и палисадом. По обеим сторонам реки тянулись гостиные дворы: на правом берегу — русские, на левом — немецкие.

Наблюдать бойкую торговую жизнь города было и занимательно, и грустно. Как-то за обедом у архиепископа Петр не сдержал своей досады. Столько судов — и ни одного под русским флагом! Обидно! Наши купцы — не купцы, а какие-то сидни! Архиепископ развел руками. Что делать, иноземцы пресекают любые попытки русской торговли. На его памяти был случай, когда ярославский гость Антон Лаптев ходил в Амстердам с грузом дорогих мехов, но не сумел продать их и на рубль: голландские купцы сговорились не покупать меха, чтобы не сбить цену. Пришлось везти товар назад в Архангельск, где немцы

немедленно его раскупили по дешевке. Вот такая получилась торговля — одни убытки. А ведь и мы умеем строить морские суда: на реке Вавчуге, против Курострова, братья Баженины соорудили верфь и строят купеческие корабли для англичан и голландцев.

Петр загорелся. Раз так, он сам поведет торговый караван в Амстердам! Посмотрим, что смогут сделать тамошние негодянты против такой презентации русских товаров! Афанасий с недоверчивым любопытством посмотрел на него. Хорошо задумано, слов нет... Только как-то неприлично для царской особы...

Лефорта мысль царя о торговой экспедиции тоже не воодушевила. Конечно, молодому государю, с его стремлением к просвещению, было бы полезно побывать за границей. К сожалению, подданные его величества до сих пор с неодобрением относятся ко всему иноземному и неохотно заимствуют более просвещенные нравы и плоды европейской культуры. Развлечения, присущие культурным народам, с трудом находят себе приверженцев среди невежественных москвитов. И что вызывает особое сожаление — московские государи и не подозревают, какой блеск и величие могло бы придать их двору более тесное знакомство с европейскими нравами и обычаями. Однако к подобному путешествию следует тщательно подготовиться. Государь Петр Алексеевич должен предстать перед европейскими государями в блеске славы и величия. Иначе говоря, нужна война с сильным противником; но такие дела не решаются в одночасье, их надо как следует обсудить. Что же касается морской торговли, то создание флота — дело многих лет. Если же его величеству не терпится иметь свои корабли на Белом море, то можно для начала купить в Голландии фрегат.

Петр рассмеялся, обнял Лефорта. Отличная мысль! В будущем году они уже смогут выйти в море всей компанией на собственном корабле. Как ему надоели эти переяславские посудины! Решено: он покупает в Амстердаме настоящий 44-пушечный фрегат. Но этого мало. Нужны еще корабли — свои, не покупные. Он как раз присмотрел одно местечко на острове Соломбале — там можно устроить превосходную верфь.

В середине сентября Петр покинул Архангельск. Обратной дорогой он думал только о кораблях. Вот он — символ совершенного мироустройства: рассчитанная до дюйма, преобразованная человеческой мыслью и трудом материя, слаженная

работа команды под началом одного человека, чье слово — закон для остальных, стремительный бег вперед наперекор слепой и косной стихии.

Приехав в Москву, в своих комнатах в Преображенском велел натянуть полотнища пониже — чтобы и на суше чувствовать каютный уют.

По возвращении в Москву наступило ненастное время — сухопутные маневры в этом году пришлось отложить. Петр засел за приготовления к будущему морскому походу: в своей токарне в Преображенском дворце выточил блоки для кораблей, строившихся на Соломбале; отлил пушки; выбрал из потешных полков лучших солдат для экипажа; придумал морские сигналы и русский морской флаг — красный-синий-белый, считая снизу; начертил план маневров и назначил главнокомандующих: адмиралом — Ромодановского, вице-адмиралом — Бутурлина (оба сильно трусили воды, что весьма забавляло царя), шаятбенхтом, то есть контр-адмиралом, — Гордона. Сам принял звание шкипера и ни о каком другом слышать не хотел. Федору Матвеевичу Апраксину, посланному в Архангельск воеводой с приказом проследить за строительством кораблей и приславшему подробный отчет, в котором он именовал Петра полным царским титулом, державный шкипер с неудовольствием отписал: «Сомневаюсь, ко мне ли ты писал с такими зельными чинами, чего не люблю. А тебе можно знать, как ко мне писать, для того, что ты нашей компании».

Между тем не забывал и о злом враге Ивашке Хмельницком, сильно досаждавшем в этом году славным мореходам. Пришлось дать ему посильный отпор. На Святках 1694 года всей компанией ездили славить Христа; дьякон Пахом-Пихай ездил по боярам и другим высших чинов людям, а князь-папа к купцам, — и многие честные люди от дураков были биваны, облиты, обруганы. А после Рождества было большое торжество — женился любимый царский шут старый боярин Яков Тургенев на дьячихе. В поезжанах приказано было быть всему царскому синклиту. Жених ехал в парадной царской карете в сопровождении знатнейших бояр — Шереметевых, Трубецких, Репниных, Голицыных, облаченных в бархатные кафтаны. Прочие гости — бояре, окольничие, думные люди — ехали за молодыми на быках, козлах, свиньях, собаках; все были одеты в смехотворные платья: в кули мочальные, шляпы лычные,

шапки лубочные, в разноцветные кафтаны, опушенные кошачьими лапами, в соломенные сапоги и мышьи рукавицы... Свадебный пир продолжайся три дня, и многие после того отдали Богу душу.

25 января прихворнула Наталья Кирилловна. Петр побывал у матери, нашел болезнь неопасной и вечером завалился всей компанией к Лефорту на веселый ужин. Наутро Гордон с больной головой отправился в Преображенское докладывать о делах, но царя там не застал — Петр уже сидел у постели умирающей матери. Он был мрачен и сильно расстроен. Наталья Кирилловна простилась с ним, заклиная прогнать от себя немцев и помириться с женой. Под утро она тихо отошла.

Три дня Петр был безутешен, тосковал и плакал. На четвертый сидел за ужином у Лефорта, спокойный, словно выжженный изнутри горем. Зотов напоминал ему слова апостола Павла об умерших — «яко не скорбети о таковых», и Ездры — «еже не возвратити день, иже мимо иде». На пятый день Петр принялся за дела. Возобновил переписку с Апраксиным: известив воеводу о своей «последней печали», о которой «ни рука подробно писать не может, купно же и сердце», подвел под горем черту: «По сих, яко Ной, от беды отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу...»

Живое были корабли.

На Масленице сражения с Ивашкой Хмельницким разгорелись с новой силой. Одновременно Петру приходилось воевать с царицей Евдокией, которая при каждом удобном случае напоминала ему, что он не выполняет предсмертных заветов матушки. После одного из таких столкновений Петр приехал на ужин к Лефорту особенно возбужденный и сразу нарезался. С каждой минутой он становился все оживленнее, шутил, болтал с сопровождавшим его Меншиковым и время от времени выплескивал в едко-презрительных словах скопившееся раздражение против Лопухиной, позволяя Алексашке сочувствовать себе и высказывать соображения насчет женского пола. Видно, государь еще не раскусил эту породу, кривил в ухмылке рот Меншиков, если ждал от женитьбы чего-то другого. Женился раз, а пропал навек. Ведь бабы что кошки, им только одно нужно — чтобы миленок сидел рядом, гладил за ушком и дробил почасту: известное

дело — псовая болезнь до поля, бабья — до постели. А мужику что ж: сначала ничего, нравится, а потом невольно делается — взял бы и прибил дуру вместе с ее любовью. На что нужна любовь-то эта, если она жить не дает? Бабу надо сразу пригнуть в свою волю, с ними только дашь слабинку — и пропал: повяжут по рукам и ногам так, что без спросу не вздохнешь. Иная хоть и прикинется ангелом, а настанет срок, припечет хуже черта. От них нашему брату только грех да кручина, поэтому нечего их жалеть, они нас не больно жалеют.

Гостей у Лефорта в этот вечер было много; никто, как и положено, не обратил на приезд царя ни малейшего внимания. Была, впрочем, пара голубых глаз, которая, живо перебегающая по комнате от лица к лицу, с предмета на предмет, порой без тени смущения подолгу задерживалась на фигуре Петра. Он обнаружил эти глаза не сразу, а обнаружив, крайне заинтересовался своей находкой. Поначалу он попытался поиграть с ними в моргалочку, но быстро проиграл, потупившись от какого-то внутреннего замиранья. Переглядочка и мигалочка тоже заглохли, не поддержанные противной стороной, ввиду их явной глупости. Когда же он, потерявшийся и смиренный, с робкой доверчивостью предоставил им право вести тайный разговор и уже начал постигать прелесть этой немой бесхитростной беседы, широкая спина какого-то драгунского полковника заслонила их от него и увела кружиться в музыкальной метели, сквозь которую они изредка мерцали ему винновато-счастливым блеском.

Меншиков продолжал что-то говорить, но он слушал его вполуха, а затем и совсем перестал следить за разговором, потому что в груди громко бухало сердце и кровь шелестела в ушах, заглушая звуки музыки, а его слегка затуманившийся взгляд был поражен и очарован внезапно представшим перед ним видением коленопреклоненного ангела; и весть, которую он принес, настолько превышала человеческое воображение, что Петру понадобилась вся сила его разума, чтобы понять: он приглашен на танец.

Молоденькая, плотно сбитая немочка застыла перед ним в глубоком реверансе, ожидая ответа. Белокурые кудряшки на ее висках, легко касаясь щек, золотистыми колечками падали на матово-белый прямоугольник ее открытой груди с крепко стиснутыми лифом, вздымающимися при каждом вдохе упругими полушариями.

Петр сидел в сильном смущении, мучительно чувствуя, как пунцовеют его щеки. Господи, только бы не начала трястись голова! Но голубые глаза, строго взглянув на него, приказали ему не малодушничать, — и он покорно встал из-за стола, с удовольствием разминая затекшее тело, взял протянутую ему пухлую ручку с короткими пальчиками и занял место между скачущими парами. Впрочем, если его руки и ноги и приобрели легкость и свободу, то язык по-прежнему крепко прилип к гортани, так что, когда танец закончился, он знал только одно: ее зовут Анна... Анна Монс.

Лефорт, исподволь внимательно наблюдавший за царем, подошел к нему с двумя раскуренными трубками. Кажется, некая сирена сбила с курса сердце господина шкипера? Петр сунул в рот янтарный мундштук, яростно пыхнул несколько раз. Кто она, где живет? Лефорт улыбнулся. Любопытство господина шкипера легко удовлетворить: по счастью, он хорошо знает эту особу. Это младшая дочь Иоганна Монса, золотых дел мастера. Весьма уважаемый человек, приехал в Москву из имперского вольного города Вормса с дипломом от бургомистра и совета граждан о том, что сей почтенный муж может быть принят во все цехи, гильдии, общества и коллегии. Покорный слуга господина шкипера хорошо принят в его доме и должен заметить, что лучшим произведением золотых дел мастера являются его дочери. Особенно младшая. Господин шкипер обратил внимание на эти золотистые колечки на висках?.. Да, изрядная девица, притом умна и такая затейница в амурных забавах...

Петр поперхнулся дымом. Как? Он ее?..

Ну да. На лице Лефорта не было и тени смущения. Пускай и господин шкипер не побрезгует. Уж таково это угощение — чем больше человек его отведало, тем оно лакомей. А у него наверху есть горенка, где все готово для Венериных утех.

Петр потупился. Да ведь он женат, как быть?

Лефорт расхохотался. А у него, например, хороший повар, — так что же, ему из-за этого нельзя пообедать в ресторации? Жена — это жена, любовница — это любовница. Каждая вещь должна соответствовать своему назначению. Что касается его, то он предпочитает узкое влагалище и широкий бокал. Наполнив стаканы, он протянул один Петру. Так что скажет господин шкипер насчет горенки?

На другой день Меншиков привез в дом Монсов царский портрет с бриллиантами на тысячу рублей и указ о назначении

девице Анне Монс ежегодного пенсионера в семьсот восемь рублей. А по весне для нее за счет казны начали возводить огромный палаццо близ кирки. Старик Монс не мог нарадоваться на свою умницу дочь.

Чем же обворожила белокурая немочка государя Петра Алексеевича? Что обнаружил он в ней такого, чего не было в законной супруге царице Евдокии и вообще в русских женщинах того времени? Да очень немногое — кокетство. На эту единственную отличительную черту между московскими и европейскими женщинами прямо указывает один иностранный путешественник: «Московитская женщина умеет особенным образом презентовать себя серьезным и приятным поведением. Когда наступает время, что они должны показываться гостям и их с почетом встречают, то такова их учтивость: они являются с очень серьезным лицом, но не недовольным или кислым, а соединенным с приветливостью; и никогда не увидишь такую даму хохочущей, а еще менее с теми жеманными и смехотворными ужимками, какими женщины нашей страны стараются проявить свою светскость и приятность. Московитки не изменяют своего выражения лица то ли дерганьем головой, то ли закусывая губы или закатывая глаза, как это делают немецкие женщины, но пребывают в принятом сначала положении. Они не носятся, точно блуждающие огоньки, но постоянно сохраняют степенность...»

Вот эти-то жеманные ужимки, закатывание глаз и закусывание губ и показались Петру верхом женской обаятельности, хотя и здесь Анна Монс, с ее кукуйскими манерами, менее всего могла служить образцом европейской светской обходительности. Недаром позже Петр с его доморощенной галантностью казался придворным дамам Германии и Франции неуклюжим увальнем.

И стала Анна развезжать по Москве в золотой карете — почище царицыной. Москвичи провожали ее косыми взглядами, кричали вслед: «Эй, посторонись, Петровские ворота едут!» Но князь-кесарь Фридрих в Преображенском приказе быстро укоротил говорунам длинные языки.

Между тем наступило время ехать в Архангельск. 7 мая Лефорт дал прощальный обед, который продолжался с полудня до полуночи. Той же ночью тронулись в путь. В Вологде вся

компания разместилась на двадцати двух карбасах. Адмирал и генералиссимус Фридрих плыл на двенадцатом карбасе, господин шкипер на одиннадцатом. Время от времени с адмиральского корабля раздавался гулкий выстрел, и белое облачко поднималось к верхушкам мачт и таяло в небе. Один выстрел означал сигнал к обеду или ужину; два — приглашение всех офицеров на адмиральский корабль; три — остановка; залп из всех орудий — сняться с якоря.

Сухона еще не обмелела, поэтому мелей не боялись. Шли быстро, на всех парусах, при свежем попутном ветре. 17 мая Петр уже вновь занял свои покои на Масеевом острове. Первым делом помолился, вторым — осмотрел корабли на Соломбале. Остался доволен: корабельщики выдержали сроки. Через три дня он пригласил всю компанию на верфь и собственноручно подрубил подпоры. Корабль плавно сошел на Двину. Это событие отметили веселым обедом на палубе.

Все же для оснастки, вооружения и окончательной отделки требовалось несколько недель, а долгожданный фрегат из Голландии еще не пришел. Чтобы даром не терять времени, Петр решил посетить Соловки. На яхту «Святой Петр» вместе с ним взойшли архиепископ Афанасий и ближние бояре с духовными.

В устье Двины пришлось простоять целые сутки из-за безветрия. В первый день июня, когда, наконец, подул крепкий восточный ветер, поставили паруса и вышли в море. Весь день яхта дыбилась на гребнях волн, вскипавших клочьями серой пены. К вечеру, едва миновали Унскую губу, небо затянуло темной пеленой, и разразилась буря. Порывы ураганного ветра сокрушали корабль, который скрипел всем составом и, казалось, вот-вот распадется под яростным натиском тяжелых волн, перекачивающихся через борта. Отчаявшись спасти судно, капитан и команда предались воле Провидения и вместе со всеми в слезах призывали на помощь Богородицу и святых угодников. Архиепископ Афанасий в своей каюте причащал всех желающих. Петр, приобщившись Святых Тайн из его рук, встал за руль.

В эти страшные минуты стрелец Соловецкого монастыря, лодейный кормщик Антип Тимофеев, взятый в Архангельске лоцманом, решил подойти к царю. Он указал Петру на Унскую губу: спастись можно одним способом — войти туда и улучшить путь в Унские рога. Место опасное — там о подводные камни разбиваются суда и не при такой буре. Если государь прикажет, он берется провести корабль по стрежню.

Петр передал ему руль. Тимофеев повел яхту тесным, извилистым проходом между Унскими рогами — двумя рядами подводных камней, далеко выдающимися в море. Правил всю ночь, напряженно вглядываясь в крошечную тьму. Петр не отходил от него. Был момент, когда, поняв, что Тимофеев правит, полагаясь больше на чутье, чем на зрение, он попытался вырвать у него руль, но кормщик пихнул его кулаком в грудь и грозно прикрикнул: «Поди прочь!» Петр присмирел. С каждым провалом яхты в ложбину между волнами он замирал, ожидая предательского треска днища, и каждый раз, когда судно взмывало вверх, с тревожным облегчением переводил дух.

Рассвело поздно. Хмурое утро встретило их проливным дождем, но качка прекратилась — они были в Унской губе. Оглянувшись, Петр увидел буруны, двумя белыми пенными струями вившиеся по грядам подводных камней...

В полдень яхта встала на якорь близ Пертоминского монастыря. Тимофеев валился с ног, на все поздравления только слабо улыбался в ответ. Петр, лукаво подмигнув кормщику, напомнил ему его недавнюю дерзость, но тут же пожалел об этом. Подняв Тимофеева с колен, трижды поцеловал в лоб и в знак особой милости отдал ему свое измокшее платье и пожаловал тридцать рублей денег. На том месте, где он сошел на берег, Петр водрузил крест, собственноручно вырезав на нем загадочные литеры: «*Dat kruys. maken kaptein Piter, van. a. Cht. 1694*»¹⁷.

Буря бушевала еще три дня. Только 6 июня вышли в море и на следующий день были на Соловках. Здесь Петр провел трое суток в посте и молитвах, поклонился мощам преподобных Зосимы и Савватия, пожаловал тысячу рублей на украшение раки чудотворцев и новый иконостас и одарил всю братию.

Свое благополучное возвращение в Архангельск он отпраздновал пирами, которые продолжались несколько дней. Не щадили ни вина, ни порошу. В разгар пиршеств прибыл из Голландии долгожданный фрегат «*Santa Profeetie*»¹⁸ с сорока матросами. Корабль обошелся недешево. Плата экипажу намного превышала обычную — только так можно было заманить голландских моряков на службу к снежному царю. Само судно было сделано из самого крепкого дерева. Кормовая каюта,

¹⁷ «Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694» (нидерл.).

¹⁸ «Святое пророчество» (нидерл.).

предназначенная для царя, была обита расписанной кожей; тут находилось все необходимое: великолепная походная кровать с пуховыми матрацами, шкафы и сундуки с салфетками, ска-тертями, посудой, запасом рейнвейна и французских вин, а также клетка с обезьяной и пара мохнатых болонок — животные были куплены по желанию Петра.

Дьяка Виниуса, который отслеживал путь «Святого проро-чества» из Амстердама в Архангельск, Петр кратко известил, что корабль прибыл: «Пространнее писать буду в настоящей почте; а ныне обвеселяся, неудобно пространнее писать, паче же и нельзя: понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати».

Таким образом, на архангельской пристани встали на при-коле два корабля и еще двадцать галер, сооруженных на Солом-бальской верфи. Все — под русским флагом. Флот был уже далеко не потешный, и командовать им адмиралу Фридриху не годилось. Вместо него в адмиралы был пожалован Лефорт. Его адмиральский корабль (второй, русский, вышедший из отделки) получил название «Слон» — по гербу Лефорта, изображаю-щему слона у дерева, сверху теперь новоиспеченный адмирал с согласия царя поместил двуглавого орла.

К 3 августа флот был готов выйти в море, но не мог тро-нуться с места из-за безветрия. От нечего делать компания бро-дила по островам и убивала время в дружных попойках. Гордон уговорил английского капитана Блоа дать пир на одном из островов, обещая за то присвоить острову его имя. Поль-щенный, капитан не поскупился на угощение, но выяснилось, что это был розыгрыш. Насмешками над одураченным англича-нином заполнили кое-как два дня.

Наскучив бездельем, Петр принялся составлять план больших осенних маневров под Москвой — с осадой крепости, защищенной рекой. Гордон помогал ему составлять чертежи бастионов, кронверков, редутов, траншей, батарей, минных под-копов; изобрел новые боевые порядки, придумал машину для разорвания рядов вражеской пехоты, даже если они защищены рогатками...

В середине августа, когда подул ветер, все вдруг сорвались с места и вышли в море. Но погода в этом году не дала как сле-дует поплавать: буря разметала флот вдоль побережья; к тому

же наступили необычно ранние холода, берег покрылся снегом... Свернув маневры, Петр заспешил в Москву — может, хоть на суше выйдет больше проку.

В Москве шкипер Питер вновь превратился в бомбардира Петра Алексеева и принялся за возведение на обширной равнине, за деревней Кожухово, в двух верстах от Симонова монастыря, безымянного Городка — земляного пятиугольного сооружения с валом и рвом.

23 сентября польский король с шестью стрелецкими полками и одиннадцатью ротами дьяков и подьячих, набранных для числа из всех московских приказов, занял Городок. Устроив позади него укрепленный лагерь для обоза, он спустя два дня дал знать генералиссимусу Фридриху, что готов к бою и ждет нападения.

26 сентября потешное войско двинулось из Преображенского через Москву к месту сражения. Впереди всех ехал старый знатный воин, киевский полковник и любимый царский шут Яков Тургенев. Гордон и Лефорт, с пушками и музыкой, возглавляли свои полки; перед Преображенским полком маршировал бомбардир Петр Алексеев. Следом выступал князь-папа в сопровождении трех рот гусар в шишаках и латах и двадцати пяти карликов, одетых в красные плащи и шляпы с белыми перьями. За ним шли служивые боярские люди — *нахалы* и *налеты*. Замыкал шествие генералиссимус Фридрих, восседавший на роскошно убранном коне.

В тот же день наши заняли деревню Кожухово, которую король польский не считал нужным защищать, и отпраздновали успех шумным пиром. На рассвете, под проливным дождем, началась переправа на правый берег Москвы-реки. Неприятельская конница едва не загнала гренадер обратно в воду, но с помощью подкреплений была отбита. Следующие два дня возводили лагерь по всем правилам военно-инженерной науки. Один Яков Тургенев храбро вызывал на бой вражеских подьячих и вступал с ними в жаркие схватки.

К Покрову окружили Городок редутами и окончательно обложили его. 3 октября военачальники собрались в шатре генералиссимуса Фридриха на военный совет, чтобы решить, продвигать ли траншеи и дальше к Городку или немедленно брать его приступом. Положили взорвать часть вала подземными

подкопами и тогда уже идти на штурм. В тот же день после обеда повели апроши к неприятельскому рву.

Однако неприятель не дал выполнить этот план, и притом самым неожиданным способом.

4 октября, в День святого Франциска, Лефорт праздновал по русскому обычаю свои именины. Благодаря хлебосольству швейцарца вместе с ним пировал весь лагерь. Основательно нагрузившись, военачальники решили устроить примерный приступ. В три часа дня они повели полки к Городку, взяв фашины, доски, мешки с землей и две придуманные бомбардиром Петром Алексеевым машины — крытые повозки с порохом для пролома вала.

Завалив ров, подкатали повозки к валу и взорвали, — но вал остался невредим. От великой досады бомбардир лично повел преображенцев на штурм; с другой стороны Городок атаквали Семеновский и Бутырский полки. Неприятель поначалу стоял твердо: бросал гранаты и горшки с порохом, лил из медных труб воду, отбивался длинными шестами с зажженными на их концах пучками смоленой пеньки, и многих наших ранил, в том числе и Лефорта, которому обожгло лицо порохом. Но часа через два стрелы и дьяки вдруг, как по команде, побросали оружие и, оставив вал, беспорядочной толпой побежали в Городок. Наши на их плечах ворвались в крепость и взяли в плен несколько сотен неприятелей, среди которых оказался и комендант генерал Траурнихт. День закончился славным угощением для всего войска.

Один бомбардир Петр Алексеев, желавший взять крепость не иначе как по всем правилам военного искусства, не разделял общего веселья по поводу нежданной-негаданной победы и был особенно недоволен трусостью неприятеля. Наутро он велел пленных стрельцов отпустить, а польскому королю приказал вновь занять Городок и обороняться до последней крайности.

Потешные полки заняли свои прежние позиции и возобновили подкопы с обоих флангов. Работы продолжались шесть суток. За это время наши не трогали неприятеля; только бомбардир Петр Алексеев метал в крепость бомбы без пороха — все они падали в середину Городка, а одна угодила в шатер польского короля, чем бомбардир остался весьма доволен.

Быстрому завершению минных работ мешали подземные ключи, а также вода во рву, которая просачивалась в минные галереи. В результате Гордону так и не удалось заложить мину

на своем участке. Зато державный бомбардир успешно подвел подкоп под самый вал и, заложив четыре ящика пороха, велел приготовиться к штурму. 15 октября на военном совете генералиссимус Фридрих отдал приказ: после завтрака идти на приступ.

Чересчур деятельный Гордон и на сей раз едва не испортил диспозицию — раньше всех завладел рвом и приставил лестницы к валу. Пришлось приказать ему вернуться и ждать сигнала к общему штурму — взрыва мины. Около полудня мину наконец зажгли. Она долго дымилась от сырости, но когда взорвалась, вал значительно осел. Преображенцы без труда овладели разрушенным валом и ворвались в Городок, захватив 14 знамен и вторично взяв в плен коменданта.

Стрельцы с подъячими укрылись в укрепленном лагере. Весь следующий день наши обстреливали неприятельский лагерь из пушек и мортир. Вновь отличился бомбардир Петр Алексеев, который повалил многие шатры во вражеском стане. Однако король польский оставался непреклонен и не желал сдаваться без боя.

17 октября генералиссимус Фридрих двинул войско на последний приступ. Стрельцы, озлобленные потерей Городка и канонадой, дрались не на шутку, убили и ранили наших человек с тридцать, но, окруженные и теснимые со всех сторон, вынуждены были в конце концов сдаться. Польского короля со связанными руками притащили в шатер генералиссимуса Фридриха. Вечером на пиру противники замирились.

На следующий день полки возвратились в Москву, еще не ведая, что разыграли перед государем Петром Алексеевичем последнюю потеху.